

«АДМИРАЛ» НАД ПОЛЯНОЙ

Фантастический рассказ

Дальняя разведка не профессия, а образ жизни, и люди определенного сорта приходят к ней, как иные к живописи или литературе, раньше или позже, но обязательно. Хлебнув этой жизни, люди потом порой клянут ее, но уйти уже не могут: это крепкое питье. Куда уж крепче.

Мы вышли не то что в поле тяготения, но чуть ли не в самой атмосфере планеты, оказавшейся тут так же кстати, как песок в затворе. Нас ломало, и крутило, и швыряло из

стороны в сторону, в нижних палубах что-то лопалось с противным, ноющим звуком, а моя скакалка, висевшая на крючке, сама собой завязалась узлом, который у моряков носит название «восьмерки». Сесть мы, однако, сели. Не успел я как следует потянуться и пошевелить костями, как зажужжал интерком, и Старый Пират снял трубку.

Он поднес ее к уху и подтянул вечно спадавшие штаны. На покое Пират выглядел настоящим недотепой, и тот, кто не видал его в деле, не мог и представить себе, насколько способен преобразиться человек, никогда не бывший профессиональным актером. Старый Пират доложил, что внимательно слушает. Я тем временем вылез из амортизатора и подошел к шкафчику, где у нас стояли избранные произведения конструкторов-оружейников. Проверил трассер, магазин и конденсаторы, полюбовался оптикой и на всякий случай два раза прошелся по контактам: в этой модели если что и может подвести, то только контакты, и за ними надо приглядывать. Пират в это время нашел глазами Марка Туллия и поднял два пальца — одеваться, значит, следовало по второй программе.

— Ладно, — сказал Пират в трубку. — Это беда небольшая, мы выйдем и поспрошаем первого встречного. — Такая была у него присказка перед выходом на чужую планету; он положил трубку и стал, побряхывая, влезать в костюм.

Мы окунулись в ночь, как в холодную воду. Слегка перехватило дыхание. Люк прошипел, закрывшись за нами, и мы остались наедине с чужими широтами, шептавшими что-то голосом ветерка на языке, которого мы не понимали. Мы постояли в темноте, голубой от множества звезд. Нам было странно; только с предчувствием любви можно сравнить ощущение первого выхода. Это миг для стихов, но я, откровенно говоря, не люблю их: плохие — они ни к чему, а хорошие приводят в расслабленное состояние, когда хочется нюхать цветы и гладить собак. Нет, я не люблю стихов и сейчас просто подумал: мир вам, серебряные туманности, — и почувствовал, как перехватило горло. Марк Туллий сопел рядом, а стажер Петя что-то шептал. Но тут Старый Пират с присущей ему деликатностью просигналил: «Ну утрите слезы и займитесь делом, сынки!» — и все стало на свои места.

Опыт — великая вещь, отец интуиции. Интуиция — стержень Дальней разведки, ее спинной хребет. Земля — небольшая планета, множество людей исследует ее вот уже очень долгое время, и все же нельзя сказать, что планета изучена досконально. Что же могут три-четыре человека, оказавшиеся в одной точке совершенно незнакомого небесного тела? А ведь им предстоит сделать первые, основные, а часто и единственные выводы, высказать решающие суждения. Разведчик без интуиции, фактограф, уместен среди нас так же, как слепец в группе снайперов. Интуиция — за нее нам прощают многое.

Так что мы не прошли еще и двухсот метров, а трое уже знали, что на этой планете есть жизнь, хотя никто из нас не взялся бы объяснить, почему он так считает. Человек может больше, чем знает, порой срабатывает какое-то его качество,

им самим не контролируемое. Мы просто знали, что на мертвой планете мы чувствуем себя иначе, чем на живой. И вот сейчас мы явственно ощущали, что планета жива. Живая — не значит дружелюбная, и мы покрепче ухватились за свои игрушки, а Старый Пират сказал — беззвучно, конечно, на линтеле:

— Топать здорово нечего. Полетели.

— Вот здорово! — сказал стажер Петя, любивший летать. Но ему пока еще по рангу не полагалось обсуждать команды. К тому же линтель был им усвоен в училище в основном пассивно — слышать он нас слышал, но говорить ему приходилось вслух. В училище их заряжают в основном энтузиазмом, остальное приходит потом. Так что Пират тут же поставил его на место, сказав безмолвно:

— Еще одно сотрясение воздуха, этюднен, и вместо разведки пойдешь на кухню.

Стажер понял намек и умолк. Мы откинули крышки двигателей. Каждый встал на курс — это нетрудно, что-то вроде компаса живет у нас в больших полушариях мозга, и время, и направление, и расстояние мы фиксируем бессознательно; это приходит где-то на втором, а у иных и на третьем году работы, а коли нет, то человек ищет для себя другое занятие. Со стажера спрос пока что был невелик, и я сказал ему:

— Мой каблук — твоя звезда. Не теряй из виду.

— Все? — спросил Старый Пират, включил стартер и поднял-

Рисунки К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

ся в воздух первым. Я лег за ним, стажер взлетел почти без заминки, а Марк Туллий, как всегда, замкнул колонну.

Мы летели на высоте ста метров и поглядывали вниз и по сторонам. Внизу был сплошной камень, и Старый Пират сказал: — Если он гробанулся здесь, то я за него не дам ни затыжки.

Старого Пирата за такие обороты речи и наградили этим прозвищем, которым он весьма гордился, а по Дальней он занимался античной философией, а Марк Туллий — зерновыми культурами. Пока я припоминал, чем же я занимался последним перед тем, как сбежать в Разведку, впереди что-то возникло. Я подумал, что это скалы, но выяснилось — лес.

Даже не лес, а много деревьев вместе. Понимаете, много деревьев не всегда лес, так же, как много людей не обязательно отряд. Я просигналил это, стажер не выдержал и фыркнул: у него за плечами было не более пяти выходов, а в эту пору смеешься иногда тому, что не смешно. Здесь был не лес, а много деревьев, стоявших на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы не мешать соседям расти так, как им хочется, и каждое дерево было само по себе, словно нарисованное отдельно, и вообще весь этот лес напоминал кадрик из мультфильма.

Пират скомандовал спуск. Дальняя разведка не такое место, где часто приходится видеть одни и те же картины, но такого мы еще не видели и даже усомнились было, настоящие ли это деревья. Но они росли, и листья их чуть слышно шумели, когда налетал ветерок. Мне стало весело, и я засмеялся, не думая, что нарушаю порядок. И все остальные засмеялись, хотя, честное слово, никаких поводов для смеха не было; мы стояли, расслабившись, опустив оружие, и заливались, глядя друг на друга; а Старый Пират вдруг отколол сольный номер: проскакал на одной ножке, с маху сел на землю, и все мы наподдали еще пуще. Стажер Петя перекувырнулся, и мы прямо-таки изнемогли.

Так мы резвились три минуты, потом вдруг опомнились и озадаченно поглядели друг на друга. Никто не сказал ни слова, но мы тут же построились походным порядком и тронулись, внимательно глядя по сторонам. Мы прошли еще четыреста с небольшим метров и увидели наконец наш собственный катер, из-за которого и предприняли весь этот поход. Его не упрятали вовремя в эллинг, и, пока нас лихорадило перед посадкой, он оторвался; боцману сейчас было куда хуже, чем нам, и он-то вряд ли смеялся.

Катер лежал на поляне, ближе к одному ее краю. Мы, как и положено, разделились и подошли к нему сразу с четырех сторон. Ничем не пахло, только озон чувствовался в воздухе. Снаружи катер выглядел нормально и стоял на всех четырех лапах, но мы обратили внимание на то, что лапы ушли в грунт глубже, чем полагалось бы; значит, автомат не погасил скорость. Мы поняли это и приготовились к неприятностям.

— Железяка нехорошая, — проникновенно сказал Пират. — Ну, заглянем, поглядим, чем нас встретят.

В каютке все было перевернуто, как после выпускного бала курсантов Училища Дальней разведки. Мы пробрались через этот содом и проникли в двигательный отсек.

Дальние разведчики должны разбираться во всем, и не по-немножку, а профессионально, потому что там, где мы бываем, зачастую не найти ни экспертов, ни специалистов в радиусе десятка-другого световых лет. И мы разбираемся. Так что нам сразу стало ясно, что рассчитывать на катер не приходится. Механическая часть, правда, сохранилась, но радужный диск мембраны не только выскочил из рамы, но разлетелся в кристаллики. А без мембраны катер можно поставить на постамент в парке, но летать на нем нельзя, а нам нужно было, чтобы он летал.

Мы расселись на обломках своих надежд и молча посоветовались. Катер — вещь нужная в хозяйстве, и бросать его не хотелось, а унести эту посудину на руках мы не могли. Оставалось одно: доставить и смонтировать новую мембрану и уж тогда запустить двигатель.

— Очень красиво, — сказал Старый Пират. — Только крепить ее все-таки лучше на корабле, в мастерской, а не на лоне природы.

Мы немного скисли, прикинув, как далеко придется тащить массивную раму, восемь метров в диаметре. Наши моторчики были слишком слабосильны, чтобы поднять ее, и, значит, нести придется на горбу, всем четверым. Но спорить не приходилось.

Марк Туллий пробрался в крохотную рубку связи. Он включил аппаратуру — и без толку. Великий оратор покачал головой, снял со спины нашу походную станцию и включил. Станция молчала — не было не только сигналов, но и фона. С таким же успехом можно было подключить к антенне кирпич. Марк Туллий достал из кармана тестер, открыл рацию и стал тыкать в нее приборчиком.

— Батарея, — сказал он. И, поднатужившись, выдал второе слово: — Пуста.

Старый Пират выхватил у него тестер и полез сам. В батарее не было ни слова заряда, хотя перед выходом она была полна. А так станция была в образцовом порядке, как и все у Марка Туллия. Пират сказал:

— Все в диком восторге. Ладно, займемся делом.

Мы провозились с рамой часа два. Потом Пират решил полчасика отдохнуть: путь предстоял серьезный. Светило успело взойти, и оно было горячим, как первый поцелуй. Мы отошли в тень ближайшего дерева и вытащили, чем позавтракать. Еда — занятие, которым можно увлечься. Мы увлеклись и проглядели момент, когда первые двое появились на поляне.

Их было двое, и они бежали что есть духу — один убегал, другой преследовал. Гуманоиды, карлики — ростом по сравнению с нами чуть выше пояса. Головастенькие. Полуголые. Все это мы привычно ухватили сразу же. А потом увидели, как задний включил свои тормоза и опустился на колени. В руках у него было что-то — можно поклестаться, что сук от дерева длиной в полметра. И вот карлик, стоя на колени, вскинул этот сук, словно бы это было оружие. Мы не успели удивиться. Блеснули короткие вспышки пламени, раздались отрывистые, хорошо знакомые нам звуки. В этот миг планета сразу перестала мне нравиться. Убегавший уже достиг опушки; сейчас он упал плашмя. Стрелок вскочил и издал победный вопль, голос

был высок и походил на женский. Потом туземец отшвырнул свое оружие и, высоко подпрыгивая, помчался туда, откуда пришел.

Мы уже лежали под деревом, заняв оборону, недоеденный завтрак валялся в стороне. Мы не сводили глаз с убегающего, привычно держа его на перекрестии — на всякий случай. Он скрылся за деревьями, и я спросил:

— Что это у него было?

— Погоди, — излучил Старый Пират. — Запомнил место?

— Само собой, — ответил я. — Он лежит за деревом с кривым суком.

— Давай туда. Мы прикроем.

Я пополз. Трава на поляне достигала карликам до пояса, так что могла укрыть. Я взял курс на дерево и прикинул, что пресмыкаться придется минут пятнадцать. Так и оказалось. Я дополз до дерева и, не вставая, обогнул его, осторожно переваливая через выступающие корни. За деревом никого не было.

Никого, понимаете? Трава была еще примята там, где лежал убитый, но ни тела, ни капли крови — ничего. Я огляделся, осторожно поднялся на колено, затем во весь рост. Тела не оказалось. Было далековато для разговора, но я, напрягшись, окликнул — безмолвно, конечно, — Пирата и сказал ему. Старик ответил:

— Прелестно. Мы ничего не заметили. Назад постарайся поползти мимо оружия.

Я и сам хотел так сделать. Когда я отполз метров на тридцать от дерева, то услышал треск, оглянулся и увидел парня.

Он сидел на дереве, оседлав толстый сук; от наших туземец был прикрыт листвой, но отсюда, со стороны, я его видел ясно. В руках у лилипута было что-то вроде обрезка доски и палка, которую он, по-моему, только что отломал от дерева. «Неплохо», — подумал я, глядя, как он прикручивает палку к доске крест-накрест; противник промазал, этот упал, стрелок не захотел убедиться в его смерти, и теперь спасшийся мастерит что-то: бумеранг не бумеранг, но тяпнуть по голове и этим можно основательно.

Я ошибся. Он сделал свой крест и тут же уселся на доску — так, что ветка проходила между ног и торчала короче спереди и подлиннее сзади. Я замер, ожидая, что будет. Парень приподнялся и замер, только вытянул губы трубочкой. И в следующий миг крест с оседлавшим его карликом сорвался с места и полетел.

Он летел, точно маленький самолетик, с крыльями метр в размахе, доска и хворостина, а карлик сидел на нем как ни в чем не бывало и управлял непонятным образом. Он пронесся невдалеке от меня, делая километров семьдесят в час, и я ясно разглядел босые ноги авиатора с грязными пятками. Слабое жужжание донеслось до меня и стихло, и крестовина с пилотом исчезла, мелькая между деревьями. Я перевел дыхание и пощупал лоб. Влажноват, но температура, кажется, в норме. Я окликнул Пирата:

— Со мной вроде не все ладно.

Он ответил не сразу.

— Подбери оружие и ползи сюда.

Я двинулся дальше. Солнце припекало, трава пахла не сильно, но проникновенно, хотелось уснуть и во сне увидеть свой дом, где ветренными ночами память о предках шуршит на чердаке. У меня никогда не было такого дома, и потому я оказался тут, и полз, полузакрыв глаза, пока не прибыл туда, где, как я помнил, стрелок бросил оружие. Место было то самое, да и Пират подстраховал.

Вышел точно.

Конечно, найти в траве полуметровый предмет, особенно передвигаясь ползком, не так просто. Я пошарил вокруг, потом пополз по спирали, уминая траву. Через две минуты я нашел сук, еще через две секунды — второй и тут же третий. Никакого оружия не было. Я осмотрел сучья один за другим. Пожалуй, на расстоянии в триста метров каждый из них мог напоминать оружие, но стрелять-то из них было нельзя, в этом я как-нибудь разбираюсь. Я вертел и нюхал их, потом плюнул и пополз, оставив сучья на умятом пятачке.

Я был примерно на полдороге, когда трава зашуршала сильнее. Разведчик не станет пренебрегать таким предупреждением. Я приник к земле, потом осторожно поднял голову, увенчанную пучком травы. Это был заяц. Он мчался, пересекая поляну, и кто-то — собака или волк — настигал его. Было ясно, что комсому не уйти. У меня зудел указательный палец, но я удержался: мне пока ничто не угрожало. Я вздохнул и рассчитал, что зверь настигнет зайца за пятачком, откуда я полз. Заяц сделал высокий прыжок и выскочил на утопанное место. Потом мне захотелось плакать.

Жалость тут ни при чем. Волкам положено жрать зайцев, и ничего тут не поделаешь. Но тут вышло не так, и плакать мне захотелось от недоумения. Потому что все последующее не лезло ни в какие ворота — даже в ворота самого большого дока на Космостарте, около Земли.

Заяц выскочил на пятачок (я приподнялся, чтобы увидеть местного волка в деле, это бывает нужно) и приник к земле. И исчез.

Вместо него с земли вскочил карлик — такой же, как те, первые. Я не знаю, откуда он взялся и куда делся ушастый. В сказки я не верю: мы навидались столько настоящих чудес, что сказочные нас не щекочут. Но заяц исчез со своими ушами, косыми глазами и рассеченной губой, а карлик вскочил, и в руках у него был сук — один из тех, что я недавно вертел в руках. Карлик вскинул его к плечу — волк был уже на прыжке, — и блеснул огонь, и прозвучали выстрелы. Волк перекувырнулся через голову и замер.

Только тут я опомнился и перекинул камеру на грудь, чтобы запечатлеть это в назидание учащимся. Упавший волк скрылся в стеблях, а карлик сидел на примятой траве и внимательно разглядывал сучья. Потом он поднял голову и — я услышал — что-то сказал своим высоким голоском. С места, где упал волк, поднялся второй карлик. Они уселись рядом и стали разбираться в сучьях, что-то тараторя. Кажется, в чем-то они не соглашались. Потом один из них стал рыть яму сукон; земля летела так, словно он действовал лопатой. Другой туземец побежал к опушке и скрылся в тени.

Я решил, что с меня хватит. Я хотел, чтобы Марк Туллий выдал мне лекарство, положил на лоб свою спокойную руку и, констатировав тепловой ударчик, предложил полежать с полчасика в тени. Иначе — чувствовал — я совсем выйду из строя.

Я дополз и по их странно блестящим глазам понял, что они видели то же, что и я, и неизвестно, кто кому должен помогать.

Тем временем ушедший вернулся. С ним пришло несколько туземцев, среди которых были, по-видимому, и женщины, судя по иной одежде; фигурой они практически не отличались, и в них не было той привлекательности, которую особенно ясно замечали мы, годами не бывающие дома. Пришедшие тащили разные палки и обрезки досок, что ли. Потом нечто показалось из-за деревьев. Представьте себе, что едет платформа, доверху нагруженная всяческим ломом, в кабине сидит водитель, и руки его лежат на баранке. Потом уберите этот транспортер или сделайте его невидимым — и получите удовольствие наблюдать, как в воздухе плывет человек, сидящий ни на чем, полусогнув ноги и вытянув руки, а позади, ничем с ним не связанная, плывет куча груза, меняя скорость и направление вслед за человеком, не приближаясь и не отставая. Вот такую картину мы и увидели; невидимый транспортер подкатил к моему пятачку, водитель сделал движение рукой, и лежащая на воздухе куча груза стала перекашиваться, словно это был самосвал, и наконец весь мусор посыпался на землю. Водитель опять пошевелил руками, словно переключал рычаги, и

плавно полетел по воздуху — на высоте метра от земли — в обратном направлении. Я в тоске закрыл глаза.

Уткнувшись носом в траву, я пытался сообразить, в какой миг и в каком месте сознание мое, обычно ясное, сошло с курса и тронулось по дороге к безумию. В том, что я свихнулся, у меня не оставалось сомнений, да и остальные трое, видно, не избегли этой участи. Я слышал, как они обменивались мыслями, лежа тут же, рядом со мной. «Этого им без крана не поднять», — уверенно сообщил Старый Пират. «Ну», — глубоко-мысленно ответил Марк Туллий. «А вдруг...» — начал было стажер и умолк. «Ну!» — сказал Марк Туллий, но уже другим тоном. «Ах ты, дьявол!» — излучил Пират и подавился. Я не стал глядеть, мне было хорошо, в меру прохладно, хотелось уснуть и увидеть во сне что-нибудь обычное, джунгли на Анторе или суп из концентратов. «Это не будет держаться, — снова предсказал Пират, — и вообще вся конструкция блеф». Марк Туллий снова ответил нечленораздельно, лишь интонация позволяла понять, что он сомневается. Стажер вдруг засмеялся вслух, а Пират чертыхнулся и сказал опять на линтеле: «Миша, давай аптечку, это все не к добру». Через минуту я почувствовал, что мне засучивают рукав. Я позволил вогнать в меня все, что Марк Туллий нашел нужным, выждал еще минуты две и открыл глаза.

На поляне уже возвышалась башня — что-то вроде конуса, стоящего на своей вершине, а странный народец собрался на задранном к небу основании и продолжал строить. Строительство у них было, как я понял, пустяковым делом: стоило приложить одну часть конструкции к другой, и она прирастала как приваренная. По всем законам механики эта башня должна была перевернуться еще в самом начале, но ничего подобного с нею не приключилось, и она продолжала расти. Нашему зелью пора было бы подействовать, но картина не исчезала, оставалось предположить, что все это происходило в действительности, хотя и не имело права. Сейчас народец находился уже метрах в семи над поляной. Старый Пират, подслушав, наверное, мою мысль, проговорил: «Да, странные эффекты дает порой облучение. Да и вообще... — Тут его мысль обнаружила новое русло и кинулась по нему. — А вообще-то все это вполне реально — существуют законы вероятности, и весьма возможно, что мы попали в такой уголок мироздания, где они проявляются не так, как у нас. Симметрия, симметрия... — Старый Пират, как и всякий философ, был в физике дилетантом и, как полагается дилетанту, порой преклонялся перед многозначительными формулировками законов куда больше, чем они того заслуживали. Вот и сейчас он стал неслышно разглагольствовать на эту тему. — Что есть абсолютно невозможное? — спросил он и сам тут же ответил: — Событие, при котором не соблюдается какой-либо фундаментальный закон. Прочие же явления могут быть маловероятными, но не невозможными. Так что стоит еще подумать над тем, какой закон запрещает обычной ветке стать огнестрельным оружием. Вне сомнений, можно найти такую цепь событий, при реализации которых этот сук может и даже неизбежно должен стать оружием и выпускать пули. Например...»

Мне было любопытно услышать, какой он приведет пример

и как построит свою цепь событий, но этого удовольствия я так и не получил, потому что один из карликов, возившихся на площадке башни, в этот самый миг стал внимательно смотреть в нашу сторону. Он даже поднес к глазам ладони, сложенные, как бинокль, словно бы ему так было лучше видно. Я насторожился. Снизу туземцам трудно было заметить катер — он стоял в тени, солнце было с нашей стороны, — но с высоты парень увидел и закричал что-то, указывая пальцем. Строители мгновенно посыпались со своей площадки; они не падали, а опускались плавно, и никто из них не свернул шеи. Оказавшись на земле, они помчались к нам, галдя и размахивая палками — у кого были сучья, у кого палки, у других и вовсе ничего. Я изготовился и стал ожидать дальнейших событий, держа их на прицеле, но еще не переводя переключатель на позицию «массовая цель». Старый же Пират встал, поправил свой фламмер на груди и, помахивая правой рукой, неторопливо пошел навстречу местному населению, спокойный, как всегда в таких случаях.

Обе стороны остановились метрах в сорока от нашей позиции, когда между ними осталось два шага. Никто не стрелял и вообще не проявлял признаков недружелюбия, и мы немного успокоились. Мы знали, что сейчас Пират попытается нащупать их способ мышления, чтобы найти в нем щелку, куда можно вклиниться со своим линтелом. Карлики смотрели на него без страха, но — как я понял — и без особого интереса. На лицах их, схожих с человеческими, хотя и не до конца, возникали и исчезали гримасы; мимика у них была богатой, но, видимо, не совпадала с нашей, а в таких случаях трудно сказать, улыбается ли собеседник, или показывает зубы. Они что-то говорили — во всяком случае, тот, кто стоял ближе всего к Пирату. Губы его, яркие и немного припухлые, шевелились, а маленькие зрачки не отрывались от лица нашего старика. Я почувствовал, что начинает стучать в висках: чтобы разглядеть детали на таком расстоянии, приходится перестраивать зрение, а это утомительно: и тут предводитель туземцев решительно протянул руку.

Это было нам знакомо: попадая на обитаемую территорию, мы не раз уже уплачивали пошлину, чтобы избежать осложнений. Законы надо соблюдать, как бы примитивны они ни были. Старый Пират стоял к нам спиной, но я подумал, что сейчас он улыбается, довольный тем, что развитие идет по привычному руслу и не надо изобретать новую схему на ходу. Он залез в сумку и вытащил горсть всякой ерунды, которую вечно таскал с собой — мужик он был запасливый: болтики, фонарик с автоматической подзарядкой, замок от старого комбинезона и прочий хлам. Но предводитель этим пренебрег. Он снова протянул руку, и на этот раз не было сомнений, что он указывает на фламмер, висевший на груди у нашего командира. Не знаю, какое выражение возникло на лице Старого Пирата в тот миг, но по медленному движению руки, которую он положил на оружие, я понял, что он находится в нерешительности.

Отдать оружие — значит оказаться в одиночестве, самом страшном, какое только можно придумать. Особенно, когда перед тобой стоят полтора десятка людей — пусть даже каждый из них едва доходит тебе до пояса. Так что я отлично понимал,

почему медлит Пират. А тот, маленький, все так же стоял перед ним, требовательно протянув руку, и уверенно смотрел командиру разведчиков в глаза.

Потом старик решился. Он снял фламмер с груди. По едва заметному движению плеча я понял, что он выключил конденсаторы и отнял магазин. Теперь оружие больше не могло помочь ему, но и повредить тоже.

Маленький жадно схватил оружие. Остальные вмиг окружили его, головы склонились над незнакомым предметом. Старый Пират сделал шаг назад и остановился в ожидании.

Дальнейшее произошло мгновенно. Народец внезапно рассыпался; как раз в тот миг в голове у меня мелькнула тень догадки и исчезла, вытесненная событиями. На секунду Пират и предводитель человечков оказались друг против друга. Карлик вскинул фламмер. Пират не шелохнулся: он знал, что бояться

нечего, хотя вряд ли ему было приятно. Затем ударила очередь. Обезвреженный фламмер ожил в руках карлика в режиме одиночных целей, и вряд ли хоть одна пуля прошла мимо. Старый Пират упал навзничь. Карлики завизжали, приплясывая, их предводитель скакал выше всех, и тут-то, в прыжке, его нащупал тонкий луч трассера — устройства, которое позволяет нам не расходовать заряды зря.

В следующий миг импульс испепелил бы плясуна, но Марк Туллий в повороте ударил стажера в челюсть. Бывалый разведчик успел бы уклониться, но стажер не успел: импульс ушел в небо, а Петя рухнул наземь и несколько секунд лежал, не приходя в себя. Мы провожали глазами уносящихся карликов, и тут снова началось: они менялись на бегу, теряли человеческий облик, и вот уже стайка птиц поднялась с поляны и исчезла за лесом, да еще несколько четвероногих, мчась галопом, скрылись за деревьями. Тогда Марк Туллий перевел взгляд на меня. Во взгляде был испуг.

— Да, — сказал я, — я тоже видел.

Марк Туллий засопел. Стажер очнулся и сел, всхлипывая. Марк похлопал его по плечу, а я сказал — вслух, чтобы Петя понял точно:

— Не спешить — первая заповедь разведчика, паренек. Ты уж извини, но ты поторопился и мог сделать грязное дело. Пошли, Миша.

Я как-то сразу понял, что это было бы грязное дело. Марк Туллий кивнул, и мы быстрым шагом, не скрываясь, направились туда, где лежал Старый Пират.

Мы подошли; в глазах старика застыло удивление, маленькие дырочки наискось пересекали грудь; но фламмер не пулевое оружие, а импульсивное. Марк Туллий присел, попытался найти пульс — и отпустил руку командира. Потом повернулся ко мне и спросил — тут уж он никак не мог обойтись одними междометиями:

— Ты засек тогда — с тем?

Это было не очень членораздельно, но я его понял.

— Да. Через пятнадцать минут он был уже на дереве. Даже раньше.

Марк Туллий взглянул на часы, уселся и приготовился ждать, я тоже. Прошло восемь минут, потом Старый Пират вздохнул. Мы смотрели на него. Он медленно повернул голову, теперь его взгляд был уже осмысленным. Он подобрал под себя руку, сел и покачал головой.

— Ну как ты? — спросил я.

— Ничего, — буркнул старик. — Вот башибузуки, а?

— Да, — согласился я. — Но, понимаешь ли, они...

— Да понял я, — сказал он. — Тут, когда поглядел на них вблизи. — Он с усилием встал. — Однако ощущение не из самых приятных. Возраст, наверное...

— Они-то переносят запросто. Возраст, наверное, — согласился я. — Вот и Марк тоже догадался.

Старый Пират слабо усмехнулся.

— Не зря же, — сказал он, — Марк таскает с собой портрет Юрия Михайловича. Ему и карты в руки. Ну, топнули, что ли?

Мы повернулись и пошли туда, где ожидал нас угрюмый ста-

жер. Он, кажется, даже поплакал немного, хотя в этом я не совсем уверен. Старый Пират сказал:

— Это что за траур? Похоронить меня решил, что ли?

— Да не стрелял я! — вместо ответа крикнул стажер. — Напрасно они меня! Не стрелял! Я только подумал — врезать бы сейчас ему — и...

Мы с Марком Туллием обменялись взглядами. Я подошел к стажеру и взглянул на индикатор фламмера. Заряд был полным; значит, ни одного выстрела стажер и в самом деле не произвел, а ведь трассер сработал, и импульс был, только ушел он в молоко. Я сказал Марку Туллию:

— Явление того же порядка. Ладно, что будем делать? Потащим раму?

— Зачем? — сказал Марк Туллий. — Полетим на катере.

Я напрягся и понял, что он хотел сказать. Старый Пират и стажер взглянули удивленно. Марк Туллий кивнул на Петю.

— Он.

— Понятно, — сказал я. — Он смог выстрелить, значит, и катер сможет поднять, если захочет.

— Пошли, — сказал Марк.

Мы пошли за рамой и стали запихивать ее в катер. Тут до Старого Пирата дошла наконец наша мысль.

— Ах, вот что! — протянул он. — Что ж, не лишено остроумия. Этьюден, иди-ка сюда! — Он указал на водительское кресло.

Стажер нерешительно протиснулся мимо нас и сел.

— Сидеть всем! — скомандовал Степан Петрович, он же Старый Пират. — Держаться крепче!

Мы включили страховку.

— Ну, хорошо, — сказал Пират протяжно, — а теперь вези нас к кораблю.

Стажер не двинулся, на лице его снова возникло выражение обиды.

— Да мы не смеемся! — сказал я как только мог убедительно. — Ты ведь не стрелял в того?

— Нет! — сердито сказал Петя. — Не стрелял!

— Но очень хотел, правда? Очень, очень?

— Ну, хотел, — проворчал он.

— Мы так и думали. А сейчас тебе надо захотеть, сильно захотеть, очень, очень захотеть, чтобы катер поднялся в воздух, как при работающем двигателе. Понимаешь? Представит себе это так же ясно, как ты представил, что стреляешь в того человечка. Так, чтобы ты сам в это поверил, понимаешь? И мы поднимемся и полетим — так же, как эти летали на своих палочках, как они превращались в зверей, в птиц — в кого угодно, потому что очень хотели и сами в это верили. Понял? Давай, летим.

— Без мотора? — пробормотал стажер.

— Да ведь и они без мотора.

Он нерешительно моргнул.

— Лучше кто-нибудь из вас...

— Нет, — сказал Старый Пират. — Видишь, мы не сумеем так.

Мы не можем в это поверить — слишком много мы прожили и хорошо понимаем, что к чему. Мы верим в оружие, а не в чудеса, знание абсолютных законов, подкрепленное синяками,

слишком переполняет нас. А ты еще можешь захотеть — и поверить. Давай-ка, и не заставляй корабль ждать слишком долго. Дорога домой далека, а всем нам не терпится увидеть кое-кого из тех, кто остался на Земле.

Он прямо поэтом стал, наш старик, от волнения.

— Хорошо, — тихо сказал Петя, — я попробую.

Он закрыл глаза, сосредоточиваясь. Мы молчали, чтобы не помешать ему, и даже думали негромко, чтобы мысли не пробились за пределы нашего мозга. Мы надеялись на стажера, недаром он был такой лопоухий и мягкий, и романтический блеск часто появлялся в его глазах.

Мы не обманулись в нем. Он положил руки на рычаги и устремил взгляд в лобовой овальный иллюминатор, и задышал чаще, и пригнулся — и через пару минут мы поняли, что он уже летит, только мы с катером еще оставались неподвижными. Значит, что-то мешало ему, какие-то остатки взрослого скепсиса и здравого смысла. Но помехи с каждой минутой становились все слабее. И вот катер — мы все это почувствовали — слабо дрогнул, словно лодка, стоящая на мели, когда прибой поднимает уровень воды и первая волна уже чуть приподняла дно. Затем катер дрогнул еще раз, сильнее — и плавно всплыл. Мы молча переглянулись. Катер набирал скорость. Еще несколько минут мы держались, кто за что придется, но потом поняли, что не упадем: стажер надежно держал катер в воздухе и вел к кораблю.

— Ты сказал «домой», — повернулся я к Пирату. — Но, в общем, насколько я помню, экспедицию посылали не затем, чтобы она потеряла катер и снова нашла его; задача была — установить возможный уровень цивилизации в этой зоне. Эта планета со всеми ее чудесами стоит вне цивилизации, она парадокс, и более. Так что дом мы увидим не скоро.

Марк Туллий удивленно взглянул на меня, а Старый Пират ответил:

— Вадим, ты не понял, цивилизация, которая может отвести целую планету под детскую площадку и устроить так, чтобы дети жили в своем мире, где каждая их фантазия, каждое желание исполняется как бы само собой, чтобы дети росли, полные уверенности в себе и в силе своей мысли и воображения, — это, друг мой, цивилизация, достойная уважения и зависти. Техническая сторона вопроса для меня темна, но они сделали это хорошо.

— Батарей, — сказал Марк Туллий со свойственным ему красноречием, — сели.

— Да, батареи. Какое-то поле или не знаю что. Да разве это важно?

— Правильная ли это подготовка, — усомнился я, — к предстоящей юности и зрелому возрасту?

На этот раз Марк Туллий изменил себе.

— Да почему подготовка? — с досадой спросил он. — Опять эта глупость. Ты ведь не считаешь, что твой возраст — это подготовка к старости? А Пират не думает, что его пора — это подготовка к смерти. Нет, это просто разные жизни, и каждую из них следует прожить наилучшим образом. Люди горько заблуждаются, когда пытаются в другой жизни выполнить что-то, упу-

щенное в предыдущей: это все равно что потерять книжку на Земле, а потом искать ее около Гаммы Лебеда. Личинка бабочки ест листья не зря — бабочка старалась бы доесть то, чего не успела, пока была гусеницей, но листья не ее корм. Наши мысли — остатки веры в вечную жизнь, вот что это. Нет, они молодцы — те, кто придумал такое.

Мы помолчали, потрясенные красноречием Марка Туллия: ведь прозвище его, как и у всех нас, шло от противного — мы не скрываем своих недостатков от друзей. Корабль уже виднелся впереди. Марк Туллий достал изображение своего Юрия Михайловича, трех лет от роду, поглядел и снова спрятал в карман. Старый Пират вздохнул; может быть, он думал о внуках. А я размышлял: все-таки уж слишком много ребятишки стреляли на своей детской площадке. Может быть, конечно, Марк Туллий прав, и гусеницу нельзя оставлять без зеленого листка, а уж когда бабочка раскинет крылья и взлетит над лугом — этакий махаон или адмирал, — она и глядеть на листья не захочет, потому что она пришла не пожирать мир, но делать его прекраснее. Да, может, Мишка прав, но я дальний разведчик и теряю покой, когда кто-то где-то начинает слишком уж увлекаться стрельбой. Эта профессиональная черта, и тут уж ничего не поделаешь.

